

УДК 327.2 + 327.7 + 355.2

Л. Г. Ивашов

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются современная геополитическая картина мира и те угрозы, которые испытывает система безопасности России. Эти угрозы оказываются напрямую связанными с задачами национальной стратегии США, а также с планами по развертыванию системы противоракетной обороны США. Автор приходит к выводу о том, что столпом российской внешней политики должна стать «безопасность через сотрудничество».

Ключевые слова: международная безопасность, противоракетная оборона, преемственная война, геополитические центры, цивилизации, СБ ООН.

Система послевоенной международной безопасности стала закладываться еще в ходе первого этапа Великой Отечественной войны и окончательно оформилась на ее завершающем этапе. Послевоенный миропорядок носил четко выраженный bipolarный характер. После войны возник и развивался третий фактор международной безопасности — постколониальный, или развивающийся, мир. Слабо организованный, находящийся под влиянием двух полюсов, он тем не менее играл определенную роль в системе международной безопасности. Движение не-присоединения (действует по сей день и включает более 100 стран) обрело планетарный масштаб и своей деятельностью способствовало укреплению международной безопасности. Тенденцией стало и формирование региональных подсистем безопасности, таких как СБСЕ (ОБСЕ), ОИК, АСЕАН и др. Проявлялась и другая тенденция, продвигаемая ангlosаксонской элитой и поддерживаемая крупным западным капиталом, — создание военных блоков. Наряду с образованием в апреле 1949 г. Североатлантического альянса (НАТО) были созданы блоковые организации «Багдадский пакт», СЕНТО, СЕАТО, АНЗЮС. Укреплялись двусторонние военные союзы США с Японией, Южной Кореей, Ираном, Турцией и т. д. В ответ на создание НАТО Москва заключила военно-политический союз с КНР, а в мае 1955 г. СССР инициировал создание Варшавского пакта, после того как провалились все попытки сформировать совместную с западными странами систему коллективной безопасности в Европе.

Таким образом, система международной безопасности, сложившаяся по результатам Второй мировой войны, носила всеобъемлющий комплексный характер, охватывала все планетарное пространство и базировалась на принципе сложившегося баланса сил.

Деформация системы международной безопасности в результате развала Советского Союза

Деформация послевоенной системы международной безопасности началась с приходом к руководству Советским Союзом М. Горбачева. Не обладавший

геополитическим кругозором и глубоким пониманием сложных мировых процессов, новый советский руководитель довольно быстро стал объектом манипулирования Запада, отказался от поддержания баланса сил в мировом пространстве, стал сдавать стратегические позиции СССР. Доходило до того, что в ходе переговоров по сокращению стратегических наступательных вооружений (чему автор был свидетелем) Горбачев и Шеварднадзе (министр иностранных дел СССР) играли за спиной советских генералов и дипломатов на стороне американцев. Горбачев и его ближайшее окружение не имели четкой внешнеполитической концепции, стратегии национальной и международной безопасности, не видели перспективной модели развития советского государства и мировой системы социализма. Провозглашенное Горбачевым геополитически совершенно бессодержательное «новое политическое мышление» и выход из холодной войны на самом деле означали идеологическую капитуляцию перед Западом и разрушение баланса сил в мировом пространстве, на основе которого формировалась система международной безопасности. Деятельность Горбачева и его команды подпадает под определение цивилизационного или геополитического предательства. Позднее, после развала СССР, помощник президента СССР Г. Шахназаров признавался, что они в аппарате Горбачева о геополитике ничего не знали, а о геополитических законах, закономерностях, теориях и концепциях вообще никогда не слышали.

Развал Советского Союза и мировой социалистической системы коренным образом изменил геополитическую структуру мира и расстановку сил в мировом политическом пространстве. Рухнул один из полюсов биполярной миро-конструкции. Резко ослаб третий полюс — движение неприсоединения. США остались единственной сверхдержавой и, по сути, единственным полюсом силы. Уже в начале 1992 г. Пентагон представил конгрессу и президенту доклад о стратегии национальной безопасности США, в котором говорилось: «Нашей главной целью является предотвращение возникновения нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, который представлял бы собой угрозу, сопоставимую с той, которую представлял Советский Союз. Нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального глобального соперника» [4]. Это была заявка на единоличное управление мировыми процессами и одновременно указание России (и Китаю) не пытаться соперничать с Америкой.

Госсекретарь США М. Олбрайт, обращаясь к американским генералам, четко определила главный инструмент внешней политики Вашингтона: «Какой резон иметь эту превосходную военную машину, о которой постоянно говорят военные, если мы не можем ее использовать?» [7, 22]. То же самое подчеркнул в январе 1998 г. президент США Б. Клинтон, выступая в Национальном оборонном университете: «Дипломатия и сила являются двумя сторонами одной и той же монеты» [Там же]. Итак, Соединенные Штаты сразу после исчезновения Советского Союза объявили нормативную базу системы международной безопасности «утратившей силу». Наступила эпоха международного беззакона, насилия и разбоя. И это не стало новым явлением в истории человечества. Еще великий Гегель, анализируя геополитическое поведение континентальных

и морских народов, утверждал, что «море призывает к разбою». Изменение геополитической ситуации в 1991 г. только укрепило элиту США и Великобритании в следовании прежнему многовековому курсу на мировое владычество.

Развал СССР способствовал воплощению этой мечты и даже придал ей некий мистифицированный смысл и соответствующий обряд. И в решении этой задачи наличие силовых возможностей, по мнению ряда американских политических экспертов, «открыло перспективу чистого, быстрого и приемлемого решения насущных проблем, вооруженные силы стали предпочтительным инструментом американского государственного искусства. Результатом стала обновленная, интенсифицированная — и, возможно, необратимая — милитаризация американской внешней политики» [8, 5]. А вот резюме американского политолога Т. Фридмена: «...мир поддерживается присутствием американской мощи и американским желанием использовать эту военную мощь против тех, кто угрожает их глобальной системе... Невидимая рука рынка никогда бы не сработала без спрятанного кулака. Этот кулак виден сейчас всем» [9, 5]. В этом изречении мы уже наблюдаем тесную взаимосвязь военной силы с «невидимой» рукой рынка, то бишь с крупным олигархическим капиталом.

Напомню, что еще в 1907 г. на одном из островов вблизи США состоялось тайное совещание крупнейших мультимиллионеров мира. На нем была принята следующая формула (план Марбурга), закрепившая приоритет в деятельности родившейся мировой финансовой элиты: «Власть — это товар. Пусть и самый дорогой. Поэтому мировая власть должна принадлежать международным финансистам». С ликвидацией мировой системы социализма эта формула обрела реальные очертания. Но первое, что следовало предпринять, это завоевать реальную власть в Соединенных Штатах Америки. Как это осуществлялось, подробно исследовал член-корреспондент Академии геополитических проблем, доктор политических наук В. Б. Павленко в своей объемной монографии [5]. Последним американским президентом, кто пытался отнять власть у Федеральной резервной системы, превратившей обесцененный доллар одновременно и в товар, и в инструмент власти, был Дж. Кеннеди, за что он и поплатился жизнью.

Состояние международной безопасности в начале XXI столетия

Итак, развал Советского Союза и разрушение биполярной мироконструкции создали для человечества ситуацию исторической неопределенности, но одновременно «высветили» для США и транснационального капитала историческую возможность установления однополярного (монополярного) миропорядка. На первом этапе ставка была сделана на превосходство военной силы. Именно в этот период были резко увеличены военные расходы, совершен качественный военно-технологический отрыв от всех других стран мира. НАТО был придан статус мирового жандарма, не подчиняющегося международным нормам и правилам, зона его «ответственности» распространена на все планетарное пространство (решения саммита глав государств НАТО, апрель 1999 г., Вашингтон). Были усилены экспедиционные группировки американских воору-

женных сил, созданы новые зоны ответственности в различных регионах мира, включая постсоветское пространство, сформированы командования этих зон, отработаны варианты приятия американским военным авантюрам характера международных операций (СРИО, Ирак, Афганистан, Ливия).

В эти же годы активно расширялось американское военное присутствие в мировом пространстве, и сегодня Соединенные Штаты имеют около 400 крупных военных баз и сотни военных объектов за рубежом. Средством информационного прикрытия вооруженной агрессии стали так называемые «гуманитарные» интервенции, а провоцирующим ситуацию инструментарием — получившие динамичное развитие частные военные корпорации и создаваемые спецслужбами террористические организации. Особое внимание Вашингтон обратил на развитие сил специальных операций, и не только в системе ЦРУ, разведуправления Пентагона (РУМО), Агентства национальной безопасности (АНБ). Свой спецназ имеют Министерство финансов, Министерство энергетики и другие государственные ведомства. В рамках Национального совета по разведке действуют 16 разведведомств, которые занимаются не только разведкой, но и мощной аналитикой, прогнозированием, планированием развития ситуации и, конечно, проведением соответствующих операций. Мощные спецслужбы действуют в финансово-банковской сфере. Особые функции получил Госдеп США (внешнеполитическое ведомство): координацию подрывной деятельности, организацию хаоса и нестабильности, революций и переворотов в назначенных Соединенными Штатами странах, а также обеспечение тотального контроля за внутренней и внешней политикой стран-сателлитов и подконтрольных властующих элит.

В качестве глобальных объектов, контроль над которыми обеспечивает однополярный миропорядок, Стратегия национальной безопасности США определяет ключевые районы мира, стратегические коммуникации и глобальные ресурсы планеты. При решении этих задач важным направлением определено установление контроля над властующими элитами государств. Свержение антиамериканских режимов или режимов, стремящихся проводить независимую от США политику, приведение к власти «пятых колонн» и постоянный контроль над ними стали стержнем американской внешней политики в 90-е гг. прошлого столетия. Такая стратегия предполагает разрушение баланса сил, установление решающего превосходства, а также необходимость «освобождения» от международных норм и правил, выработанных человечеством в условиях биполярной модели, и прежде всего от основополагающего принципа Устава ООН о невмешательстве во внутренние дела государств. Тяжеловес американской внешней политики Г. Киссинджер в 1994 г., говоря об Америке как об империи, утверждал: «У империй нет необходимости в сохранении баланса сил. Именно так Соединенные Штаты осуществляли свою политику в Западном полушарии» [3, 21].

Ему вторит К. Райс: «Соединенные Штаты играют особую роль в современном мире и не должны ставить себя в зависимость от всяких международных конвенций и от соглашений, выдвигаемых извне» [10, 34]. Этот подход был официально закреплен в американской доктрине превентивной войны, а затем

и в стратегических концепциях НАТО. В марте 1999 г. эта доктрина стала основанием для агрессии против Союзной Республики Югославии. Совет безопасности ООН был проигнорирован, в системе международной безопасности была пробита опасная брешь. Окончательный крах системы наступил в результате операции 11 сентября 2001 г., когда Соединенные Штаты в одностороннем порядке и даже при поддержке России присвоили себе право вмешиваться, в том числе и вооруженным путем, в дела любого государства и распоряжаться судьбами всего человечества. Принцип Устава ООН (ст. 2, п. 7), запрещающий вмешательство во внутренние дела суверенных государств, был попросту проигнорирован. Последовало вторжение в Афганистан, в 2003 г. на товской коалицией была уничтожена Иракская Республика, в 2011-м – Ливийская Джамахирия.

Новые угрозы в адрес России

Разрушается система двусторонних договоренностей, обеспечивавших стратегический баланс: в 2002 г. США в одностороннем порядке выходят из Договора 1972 г. об ограничении систем ПРО; по инициативе США перестает работать Договор между Россией и НАТО об ограничении вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ); уже в 90-е гг. американская сторона стала открыто нарушать положения Договора СНВ-2, в том числе по сокрытию возвратного потенциала, препятствовать исполнению российскими инспекторами функции по контролю над сокращением стратегических вооружений. Полным ходом прокладывается путь к мировому беззаконию.

Однако помехой на этом пути являются сохранившаяся часть российского стратегического ядерного потенциала и потенциальные ядерные возможности Китая, что ставит под сомнение американскую стратегию мирового господства. В 1999–2000 гг. в США активно обсуждается так называемый «ядерный обзор». В результате эксперты и политики приходят к выводам: стратегический американо-российский ядерный паритет, как фактор сдерживания, не отвечает интересам США. К тому же американские стратегические ядерные силы (СЯС) стимулируют Россию и Китай поддерживать (развивать) потенциал ответного удара. Утверждается новая ядерная доктрина, суть которой в следующем: понижение роли ядерных вооружений в военно-политической стратегии США, ограничение развития национальных СЯС, запуск российско-американского процесса сокращения ядерных вооружений (с возможным вовлечением в него в будущем Китая). Одновременно принимается ряд стратегических решений, должны обеспечить Соединенным Штатам решающее военное превосходство. Это прежде всего наращивание высокотехнологичных обычных средств вооруженной борьбы, создание новых видов оружия, разработка новой теории войны и развитие тактики ведения боевых действий.

18 января 2003 г. Дж. Буш подписывает директиву о концепции «Быстрого глобального удара» (БГУ). Создается соответствующее командование БГУ, выделяются силы и средства, закладываются разработки новых, прежде всего высокоточных, средств поражения. Из состава стратегических ядерных сил вы-

водится ряд носителей ядерного оружия, которые переоборудуются под перспективные крылатые ракеты. Так, из состава морских ядерных сил выведены четыре самые мощные атомные подводные лодки типа «Огайо», с них сняты по 24 межконтинентальные баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и поставлены на каждую по 158 крылатых ракет — модернизированный «Томагавк». То же — с подлодками класса «Вирджиния». Для этих же целей переоснащаются и закладываются несколько надводных кораблей — носителей сотен крылатых ракет каждый. Сегодня ВМС США уже располагают 4 тыс. высокоточных крылатых ракет. Задана к разработке новая крылатая ракета, имеющая сверхзвуковую скорость полета и дальность свыше 5 тыс. километров. Средств защиты от таковой ни у кого сегодня нет.

Сущностью концепции «Быстрого глобального удара» является внезапное нанесение удара несколькими тысячами крылатых ракет по объектам стратегических ядерных сил противника, важнейшим элементам систем управления, объектам экономики и инфраструктуры. После чего стране предъявляется ультиматум о капитуляции. Если страна — объект удара — не капитулирует, удар повторяется. В случае с Россией для нейтрализации возможности ответного удара сохранившими боеспособность силами стратегического сдерживания США развертывают глобальную систему ПРО и средства радиоэлектронного подавления систем управления. Американская ПРО базируется на наземном, морском, авиационном и космическом эшелонах системы. Задачи ПРО — средствами подавления систем управления воспрепятствовать старту сохранившихся ракет, перехватить стартовавшие ракеты на разгонном и орбитальном участках траектории, уничтожить прорвавшиеся боеголовки средствами наземной и корабельной ПРО. По сути дела, речь идет о лишении России и Китая возможности ответного удара, а значит, устранении фактора стратегического сдерживания.

На мой взгляд, наиболее опасным для российских сил ответного удара являются корабельные системы ПРО, оснащенные современными радарами и перехватчиками баллистических ракет малой, средней и большой дальности. Напомню, что именно ракета «Стандарт-3», запущенная с корабля в 2008 г., поразила американский спутник на высоте 247 км. А европРО — лишь один из элементов глобальной ПРО, а также информационное прикрытие и козырь в российско-американских отношениях, который в любой удобный момент Вашингтон может обменять на более важные уступки Москвы. По имеющейся информации, США в 2013 г. будут иметь 32 корабля ПРО, всего в американских планах к 2021 г. — 93 таких корабля. Именно они способны выйти в наиболее удобные для перехвата районы, к основному пучку траекторий российских ракет. Пентагон уже отрабатывает варианты развертывания группировок кораблей с системами ПРО «Иджис» и крылатыми ракетами в акваториях Балтийского, Баренцева, Охотского и Японского морей. В августе 2008 г. американский крейсер «Монтерей» осуществил заход в Черное море. Динамично создается глобальная информационная система наблюдения и атаки, включающая в себя космическую, наземную, корабельную и авиационную группировки. Целевые задачи — непрерывное наблюдение за системами управления стратегическими

силами и другими объектами вероятного противника и подавление их в случае необходимости.

В обновленной ядерной доктрине США 2010 г. производится корректировка роли ядерного оружия: речь идет о готовности США к превентивному применению ядерных боеприпасов. В структуру быстрого глобального удара введены элементы тактического ядерного оружия, разрабатываются стратегические ядерные средства, не подпадающие под ограничения договора СНВ-3, как, например, гиперзвуковой летательный аппарат с дальностью более 4 тыс. километров, запускаемый с подводных лодок и кораблей. Это вызвано, видимо, тем обстоятельством, что Россия в развитии наземных ядерных сил отдает предпочтение ракетным комплексам шахтного базирования. А, по мнению американских специалистов, удар обычными средствами поражения по шахтам не будет эффективным: необходимо на каждую шахту нацелить не менее двух ядерных боеголовок. В феврале 2012 г. заместитель главы стратегического командования США Грег Уивер заявил, что «сегодня невозможно заменить ядерное оружие обычным, так как обычное оружие не поражает цель так, как ядерное» [8]. Поэтому не исключено, что Вашингтон будет активно развивать ядерную программу нестратегического характера (крылатые ракеты морского, воздушного базирования, планирующие авиабомбы, средства ПРО), одновременно подталкивая Москву к сокращению тактических ядерных боеприпасов. Это уже прочитывается в ряде публикаций российских «либералов-разоруженцев», включая некоторых генералов, предваривших, как обычно, инициативу Б. Обамы об очередном российско-американском сокращении ядерного оружия (до 1000 боезарядов).

Развивают Соединенные Штаты и новые виды средств глобального поражения. Так, в управлении перспективных вооружений Пентагона действуют два новых, строго засекреченных отдела: «С» (климатический) и «Р» (психологический). Первому были подчинены объект «Харп» на Аляске, восемь других подобных объектов, метеорологическая служба и несколько кораблей из состава ВМС во главе с крейсером «Вирджиния», на котором был смонтирован комплекс специального оборудования. Место базирования штаба отдела — база на Бермудах, задачи — создание и отработка геофизического оружия, в том числе волнового климатического и средств подавления систем управления. По результатам проведенных испытаний волнового оружия его эффективность была признана весьма высокой. Пентагону было рекомендовано продолжить эти исследования, а отдел «С» получил еще несколько боевых кораблей.

Есть сведения, что отдел занимается созданием плазмоидных облаков над пучками траекторий баллистических ракет противника. Направление исследований отдела «Р» — воздействие волновых процессов на психику и сознание человека. Вызывая искусственные магнитные бури и воздействуя на человека рассеянным или целенаправленным излучением волн различной длины и частотного диапазона, можно затормозить и расстроить работу головного мозга. В секретных задачах этого департамента значится разработка методов влияния на большие массы людей в широком диапазоне расстояний с целью психоэмоционального воздействия, вызывающего страх, апатию, подавленность или же,

наоборот, возбудимость, агрессию, состояние аффекта, т. е. управления поведением огромных масс людей на любой территории земного шара. Отделу «Р» передан и оборудованный соответствующей аппаратурой новейший крейсер «Висконсин». Работа этой аппаратуры фиксировалась в 2003 г. в ходе операции против Ирака и в 2005 г. в качестве поддержки «оранжевой революции» на Украине.

Динамично модернизируют американцы практически весь диапазон обычных видов оружия, делая акцент на роботизированные системы военного назначения.

В сентябре 2002 г. Дж. Буш заявил о переходе США к преэмптивным действиям. Специалисты не поняли сути этой фразы. Но в 2006 г. американский конгресс утверждает Стратегию национальной безопасности, в которой закрепляется и развивается концепция преэмптивной войны. Структурно этот новый вид войны выглядит следующим образом: смена режима — строительство новой нации — восстановление страны. «Преэмптивная война ставит цель долговременного, а в идеале — вечного закрепления ресурсов определенной страны или даже конкретного региона в целом за глобальными корпорациями и государствами общества “золотого миллиарда”, причем обоснование данного типа войны еще более цинично, чем оправдание войн любого другого типа. ...Сопротивление передаче ресурсов в руки иного актора, не только реальное, но и потенциально возможное, подавляется навеки. Результаты “обычной” войны могут быть со временем пересмотрены и пересматриваются, но результаты преэмптивной войны закрепляются навсегда» [6, 20]. Важнейшим элементом этой войны является смена культурно-цивилизационной сущности народа и отстранение его от права собственности на свои ресурсы. По-моему, американцы обобщили успешный опыт такой войны в России после 1991 г. и юридически закрепили его. Содержанием преэмптивной войны являются не только военная ее фаза (ее вообще может не быть), а невооруженное насилие: экономическое, идеологическое, политическое, информационно-психологическое и т. д. В Академии geopolитических проблем такие действия называются geopolитическими операциями. К сожалению, в России и этот тип войны, и новый тип операций практически не исследуются.

Но Запад во главе с США не единственный источник угроз безопасности Российской Федерации. На фоне демилитаризации наших восточных территорий наблюдается активное наращивание военной мощи наших соседей — Китая и Японии и изменение их внешнеполитической стратегии. В китайских СМИ появляются публикации о необходимости расширения жизненного пространства, Япония вышла из послевоенных ограничений и создает полноценные вооруженные силы. Сегодня группировка японских вооруженных сил (без учета ядерного оружия) существенно превосходит наши войска и силы флота в Дальневосточном регионе, регулярно проводит учения по высадке морских десантов и овладению островными территориями. В регионе постоянно дислоцируется и наращивает потенциал 100-тысячная группировка войск США.

Отметим, что и на южном стратегическом направлении военно-политическая ситуация имеет тенденцию к обострению. Уничтожается последний союзник России

на Ближнем Востоке — Сирия. Висит в воздухе вероятность удара по Ирану, Азербайджан и Грузия втягиваются в антироссийскую орбиту США и НАТО. Наш союзник по ОДКБ на Южном Кавказе — Армения — слаба в экономическом и военном отношении, ее руководство, политическая и бизнес-элиты все пристальнее поглядывают в сторону Запада. Весьма агрессивно ведет себя здесь Турция, вооруженные силы которой (без учета ядерного оружия) превосходят группировку российских вооруженных сил в Армении.

Место России в современном миропорядке: что делать?

Итак, можно констатировать, что военно-политическая ситуация в современном мире является напряженной. Человечество в начале XXI в. находится в транзитном состоянии: биполярный миропорядок разрушен, однополярный — не состоялся, многополярный — еще не сложился. Мировые процессы формируются тремя геополитическими силами — транснациональным сообществом, западной цивилизацией и совокупностью цивилизаций восточного типа, каждая из этих сил грезит мировым доминированием. В качестве общемировых тенденций в XXI в. прочитываются, с одной стороны, концентрация глобальной власти в руках транснациональной олигархии и девальвация роли государств, с другой — формирование и выход на мировую арену цивилизаций. В глобальном измерении рождается противостояние по осям «Запад — Восток» и «Север — Юг» в новом прочтении: транснациональная олигархия — государства и цивилизации. Российская Федерация, с одной стороны, не определилась, с кем быть — с Востоком или с Западом; с другой — властующая элита, тесно связанная с крупным бизнесом и криминалом, к самостоятельной игре в мировом геополитическом пространстве не готова по причине своей преданности западным либеральным ценностям, системной коррумпированности и подконтрольности западным финансовым структурам и спецслужбам. Ее целевая задача — встроиться любой ценой в мировой олигархический Север, при том что основная масса населения остается на Юге. Эта властующая социальная группа является главной внутренней угрозой безопасности Российской Федерации.

В мировом пространстве обозначились три геополитических центра: Северная Америка, Европа и Китай. Они ведут между собой жесткую борьбу за обладание энергетическими ресурсами, за контроль над стратегическими коммуникациями и важнейшими районами мира. Россия, являясь евразийским геополитическим центром, с одной стороны, интересна главным субъектам мировой политики как ключевой регион мира, источник ресурсов и возможный союзник в противостоянии другим центрам силы, с другой — как серьезное препятствие в попытках установить мировое господство. Угрозы безопасности в адрес России усложняются, обретают новое содержание и глобальный масштаб. Утверждение однополярного миропорядка создает основную геополитическую угрозу России — вероятность ее исчезновения с политической карты мира не только как самобытной цивилизации, но и как государства. Китайская модель мироустройства «многополярный мир — однополюсная китоцентрическая Азия» оставляет нам шанс сохраниться в качестве региональной державы.

Геополитический статус новой России резко понизился: СССР обладал статусом индустриальной сверхдержавы, был глобальным полюсом, на который опирались не только значительное число государств мира, но и мировые этно-культурные цивилизации. Советский Союз имел собственный геополитический проект, который был интересен значительной части народов мира. Новая Россия деградировала в начале 90-х гг. XX столетия сначала до статуса региональной индустриальной, а затем (к концу 90-х гг.) — сырьевой региональной державы. С конца 90-х Российская Федерация превратилась в сырьевую колонию, находится под внешним управлением, не имеет собственной позиции по важнейшим проблемам международной и национальной безопасности. К тому же Россия утрачивает себя как мировая самобытная цивилизация, сформировавшаяся на основе двух матриц — православно-славянской и русско-турецкой (евразийской). Стратегических союзников у РФ сегодня нет, потому что нет собственного геополитического проекта. Как говорил Сенека, «нет попутного ветра кораблю, не имеющему собственного курса». Заданный Ельциным в 1992 г. вектор движения — «встраивание в западное цивилизованное сообщество» — был по определению преступным и тупиковым. Не может одна цивилизация встроиться на равных в другую цивилизацию, она может быть лишь поглощена или уничтожена более сильной. В результате такого встраивания любой ценой мы и скатились до статуса колонии, поддержали глобальные претензии США, усилили мировую олигархию и потеряли союзников в лице мировых цивилизаций и крупных государств. Сегодня в российской внешней политике и политике безопасности наблюдаются некоторые попытки вернуть статус сырьевой державы, но даже они носят не системный, не последовательный, а скорее эмоциональный характер.

В военном отношении на мировом уровне нас держит пока стратегический ядерный потенциал. Но в условиях дальнейших сокращений наших ядерных сил и наращивания американской ПРО и средств радиоэлектронного подавления СЯС перестанут играть роль гаранта военной безопасности и сдерживающего фактора. В обычных вооружениях мы не соперники ни для США, ни для НАТО, ни для Китая. Реформы Сердюкова — Макарова нанесли сильнейший удар по вооруженным силам как высокоорганизованной системе. Оказались разрушенными или серьезно ослабленными системы управления вооруженными силами, военной разведки, военной науки, образования, военного сотрудничества, тылового и технического обеспечения, медицины, подорван моральный облик Министерства обороны, армии и флота. Даже на восстановление разрушенного потребуются годы и сотни миллиардов рублей. С другой стороны, реформы показали слабость или имитацию деятельности структур, призванных управлять обороной страны, обеспечивать военную безопасность государства и общества. Трудно понять, как один человек, даже такой криминально одаренный, как Сердюков, в союзе с людьми без чести и совести, типа генерала Макарова, мог нанести стратегический урон оборонному потенциалу страны. Где были Совет безопасности РФ, российское правительство, комитеты Госдумы и Совета Федерации, ФСБ, Счетная палата и пр.? По сути дела, российские вооруженные силы и вся система, отвечающая за безопасность, потерпели

стратегическое поражение в мирное время, если только это не было запланированным элементом «встраивания российского олигархата и власти в западное цивилизованное сообщество».

Состояние нашего общества также вызывает тревогу. Растет социальное напряжение в обществе и недоверие к власти, тлеет перспектива межнациональных и межконфессиональных конфликтов, пустеют Дальний Восток и Восточная Сибирь, в состоянии гражданской войны находится Северный Кавказ. Нарастают проблемы в сфере безопасности арктического региона России. Государственная машина, не отличающаяся ответственностью, профессионализмом и совестливостью, теряет рычаги управления людьми и процессами. Что весьма опасно, в обществе нет политической силы, способной остановить катастрофические тенденции и задать вектор прогрессивного развития.

Встает естественный и вечный вопрос: что делать? Главное, что необходимо уяснить, — это сам факт слабости нашей системы безопасности и необходимость ее переформатирования. И второе: необходим комплексный подход к решению проблем безопасности. Усиление только военного компонента, даже во всем его многообразии, проблему обеспечения нашей безопасности не решит. Угрозы многообразны, характер и масштабы их различны, но вместе с тем они взаимосвязаны между собой.

На geopolитическом уровне Россия должна исходить из объективной картины современного мира, тенденций его развития, перспектив человечества, а не строить либеральных иллюзий. Нашей стране нужно предложить человечеству собственную мироконструкцию XXI в. со структурой международной безопасности, отвечающей интересам не только России, но и интересам безопасного развития всех народов и цивилизаций планеты.

Девиз «Безопасность через сотрудничество» должен стать столпом российской внешней политики, утверждая принципы безусловного соблюдения норм международного права, равной безопасности, соблюдения всеми странами мира Устава ООН, невмешательства во внутренние дела государств. Мир ждет этого от России. Совет безопасности ООН, например, должен формироваться на цивилизационной основе: представители мировых цивилизаций в качестве постоянных членов СБ, и никакого права «вето». Третье. Необходимо формировать второй полюс мира, равносильный США и Западу в целом, но отличающийся от него более гуманной и справедливой системой ценностей. Основанием для такого может (по инициативе России) стать Шанхайская организация сотрудничества с включением в ее состав Индии, Ирана, Пакистана, Афганистана и Монголии. Именно этот союз (Евро-Азиатский) со своей системой коллективной безопасности мог бы стать контрбалансом агрессивной сущности Запада и сделать мир более безопасным. Китай, похоже, к этому готов, что и демонстрируют последние шаги «Поднебесной».

«Китаю и России следует создать Евроазиатский альянс... наши страны преследуют единые интересы и поэтому должны совместно сдерживать действия США», — пишет главный официоз КНР [1]. Это официальное предложение китайской стороны, реализация которого явится важнейшим фактором сдерживания и гарантией безопасности России. Далее: ОДКБ, военная составляю-

щая которой несущественна, может активно играть в политико-дипломатической сфере, выступая с единых позиций по любому факту нарушения международного мира и принципов Устава ООН, предлагая конструктивные решения возникающих проблем (например, сирийской, афганской). Совет «Россия — НАТО» также должен работать на международную безопасность, а не на поддержку вооруженной агрессии, как это было в случае с Ливией. И все это Россия должна отразить в своей геополитической доктрине, которая заложит основы ее геополитического проекта XXI в.

Первое, что следует предпринять внутри самой России, это кардинально изменить управление системой обороны и безопасности. Сегодня трудно понять, кто в стране и за что конкретно отвечает в этой сфере. Кто, например, ответит за «сердюковщину», за подрыв обороноспособности государства и нанесенный в сотни миллиардов рублей материальный ущерб? Представляется, что должны кардинально измениться функции, задачи и ответственность Совета безопасности РФ и его секретариата. Секретариат СБ, поставив во главу угла триаду «наука — разведка — анализ» и задействовав заинтересованные государственные структуры и общественно-аналитические организации, обязан разработать «Атлас угроз безопасности России», предложить Совету безопасности варианты нейтрализации долгосрочных, среднесрочных и текущих угроз политическими, дипломатическими, экономическими, а также военными средствами. Все государственные институты и ведомства, научные учреждения, многие общественные организации должны быть вовлечены в той или иной степени в обеспечение безопасности страны. В регионах — административных округах и субъектах РФ — должны быть возрождены советы безопасности. Для планирования и организации всей оборонной работы целесообразно иметь своеобразный геополитический Генеральный штаб, важнейшими задачами которого будут геополитический анализ мировой ситуации, геополитический прогноз ее развития и планирование геополитических операций по обеспечению безопасности России. В США эту роль выполняет Совет национальной безопасности, в Китае — Центральный военный совет КНР. В России основу такового мог бы играть Совет безопасности или Генеральный штаб ВС РФ при соответствующем его усилении и наделении дополнительными полномочиями. Развитие ОПК можно возложить на Военно-промышленную комиссию при Правительстве РФ, придав ей ряд функций бывшего Госплана СССР. У Верховного главнокомандующего должен быть собственный небольшой штаб и общественно-экспертный совет по оборонным вопросам.

Важнейшей и первоочередной задачей в сфере военной безопасности должна стать концентрация лучших отечественных и стран СНГ умов (аналитики, ученые, конструкторы, военачальники) для решения оборонных проблем. Причем акцент необходимо сделать на поиске нетрадиционных технологий нейтрализации угроз. Нужно немедленно ответить американцам на созданное ими «киберкомандование» (более 4 тыс. специалистов). В изменяющихся условиях требуется переоценка роли СЯС в качестве «сдерживающего фактора». Прописанная в военной доктрине готовность России применить стратегическое ядерное оружие в условиях обычной войны, по-моему, нереальная, потому что все

наши потенциальные противники или обладают ядерным потенциалом, или находятся под американским ядерным зонтиком. Может, стоит подумать о повышении роли высокоточного тактического ядерного оружия и создании на его основе группировки сил и средств для поддержания постоянной угрозы ответного удара непосредственно по территории вероятного противника? Это и будет сдерживающим фактором. Генеральному штабу ВС РФ следует иметь в виду необходимость подавления в нужный момент космических группировок противника и систем типа HAARP (High Frequency Active Auroral Research Program — программа исследования ионосферы высокочастотным воздействием; американский научно-исследовательский проект по изучению ионосферы и полярных сияний).

-
1. Жэньминь жибао. 2012. 30 янв.
 2. Ильинский И. М. Главный противник. М., 2006.
 3. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1994.
 4. Нью-Йорк таймс. 1992. 8 марта.
 5. Павленко В. Б. Миры «устойчивого развития»: «Глобальное потепление» или «ползучий» переворот? М., 2011.
 6. Россия в XXI веке: Материалы годового собрания Академии геополитических проблем. М., 2012.
 7. Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М., 2001.
 8. Фонд «Наследие», «Сдерживание и выбор целей ядерного удара в XXI веке». 2012. 30 нояб.
 9. Bacevich A. Policing Utopia. National Interest. Summer. 1999.
 10. The National Interest. Spring, 1999.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>